

Мария Владимировна Кротова
(Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет)

История одной командировки 1939 года: из записных книжек Павла Леонидовича Далецкого

The history of one business trip in 1939: from the notebooks of Pavel Leonidovich Daletsky.

Key words: P.L. Daletsky, Leningrad writers, Eastern Poland, Western Byelorussia, 1939, II World War.

Abstract: The article is devoted to the notes of Pavel Daletsky drawn up during the Soviet delegation of writers to the Western Belarus (Poland under Soviet occupation) in October 1939. Among the notes, collected as a source for future novels and stories about the 'liberation of Belarus', are 'non-printable' content, expressing observations and impressions of the Soviet writer of Polish origin inspired by the image of occupied Poland, far from official position of the communist authorities. The notes show contrast between the writer's human eyes and the censored style of his works. Participation in the delegation caused internal contradictions in the writer and to raised doubts about the rightness of personal and artistic path.

Historia jednej delegacji 1939 roku: z notatek Pawła Daleckiego.

Słowa Kluczowe: Paweł Dalecki, pisarze leningradzcy, II wojna światowa, Polska, Białoruś, 1939 rok.

Streszczenie: Artykuł jest poświęcony notatkom Pawła Daleckiego sporządzonym w czasie delegacji sowieckich pisarzy do tzw. Zachodniej Białorusi (Polski pod okupacją ZSRR) w październiku 1939 r. Między zapiskami zgromadzonymi jako materiał dla przyszłych powieści i opowiadań o „uwolnieniu Białorusi”, spotykamy treści „nie nadające się do druku”, wyrażające spostrzeżenia i wrażenia sowieckiego pisarza polskiego pochodzenia wywołane obrazem okupowanej Polski dalekie od oficjalnego stanowiska władz komunistycznych. Te notatki pokazują kontrast między ludzkim spojrzeniem pisarza i ubarwionym, ocenzurowanym stylem jego utworów. W ten sposób udział w tej delegacji wywołał wewnętrzne sprzeczności u tego pisarza, wzbudził wątpliwości co do słuszności osobistej i artystycznej drogi.

Приводимые ниже записи были обнаружены случайно в фонде ленинградского писателя Павла Леонидовича Далецкого (1898 – 1963), который находится в Центральном государственном архиве литературы и искусства Санкт-Петербурга¹. Это четыре небольших записных книжки, каждая в 30 листов, исписанные мелким почерком. На одной из них стоит дата: 1939. Первая книжка начинается с надписи по-польски, это и привлекло внимание. После тщательного изучения текста оказалось, что это непосредственные записки, сделанные П.Л. Далецким во время его командировки в Западную Белоруссию (Восточную Польшу) в октябре 1939 года.

Командировка состоялась сразу после известных событий, так называемого «освободительного похода Красной армии» – вторжения советских войск на территорию Польской республики. П.Л. Далецкий находился в составе группы советских писателей, откомандированных на оккупированные территории для сбора материала и, видимо, осмысления этих событий в пропагандистском ключе. В его архиве хранится удостоверение от ЦК КП(б) Белоруссии (Минск) от 17 октября 1939 г.: «Член Союза советских писателей СССР Далецкий командирован в гг. Белосток, Гродно, Брест-Литовск, Лида, Августов, Новогрудск, Пинск для работ в Западной Белоруссии и собирания материалов для художественных произведений. Секретарь ЦК КП(б) Белоруссии Малин», причем на другой стороне документа находится надпись: «Временное управление Белостокской области: прибыл 18 октября 1939 г. – выбыл в Ленинград 3 ноября 1939 г.»². Таким образом, командировка состоялась буквально следом за установлением новой советско-германской границы.

Итогом этой командировки стали несколько работ П.Л. Далецкого: рассказ «На Буге»³, неоконченный роман «Возмездие»⁴, рассказы «Первый арест», «Предки Иванюка»⁵. Уже после войны, в 1959 г., был опубликован роман «На краю ночи»⁶ – из жизни Польши времен Второй мировой войны. Большинство этих работ не были включены ни в одну из известных библиографий Далецкого, о них, видимо, он сам не любил вспоминать. Надо сказать, что эти произведения несли на себе отпечаток советской пропаганды, основным тезисом которой было то, что Красная армия спасла белорусский и украинский народы от гнета польских притеснителей. По словам критика Н. Петрова, в романе «На краю ночи» была дана «широкая картина жизни

¹ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), зesp. P-93, П.Л. Далецкий, inw. 1, sygn. 231. Материалы творческой деятельности. Записные книжки. Т. 2. Автограф. Обращение к фонду Далецкого, в том числе и его записным книжкам, было связано интересом к его послевоенной прозе. Далецкий, как военный корреспондент, участвовал в советско-японской войне 1945 г., писал об этом большой роман, который, к сожалению, так и не окончил. В связи с исследованием, посвященным российскому присутствию в Маньчжурии, я надеялась обнаружить его записи с места событий августа 1945 г., но вместо этого наткнулась на записные книжки 1939 г.

² ЦГАЛИ СПб, зesp. P-93, inw. 1, sygn. 666, k. 16.

³ П.Л. Далецкий, *На Буге*, „Резец“ 1939, № 19-20. Этот же отрывок вошел в сборник: *Обретенная Родина*, Leningrad 1940.

⁴ П.Л. Далецкий, *Возмездие*, „Звезда“ 1941, № 5, s. 3 – 48; № 6, s. 29 – 98.

⁵ П.Л. Далецкий, *Первый арест*, „Ленинград“ 1940, № 9-10, s. 3 – 6; *тенже*, *Предки Иванюка*, „Краснофлотец“ 1941, № 5, s. 33 – 35.

⁶ П.Л. Далецкий, *На краю ночи*, Leningrad 1959.

панской Польши на пороге исторических событий» и «история сопротивления белорусов оккупантам»⁷.

Однако непосредственные записи Далецкого во время командировки, хотя в них и присутствуют сюжеты и будущие герои этих книг, подкупают искренностью, неподдельным удивлением от увиденного и растерянностью писателя. Будучи все-таки цельным и честным человеком, он пытался по-своему оправдать «суровый ход истории», хотя для Павла Далецкого это было непростой задачей, в первую очередь, из-за его польского происхождения.

Дело в том, что Павел Леонидович Далецкий родился в Польше, в крепости Новогеоргиевск (Модлин)⁸, в польской семье. Его отец – военный юрист, подполковник Леонид Семенович Далецкий (1869 – 1930) – родился в г. Могилёв в семье статского советника Семёна Васильевича Далецкого, представителя польского шляхетского рода Миткевич-Далецких, получивших российское дворянство в 1878 г. Мать – Екатерина Петровна – происходила из дворянского рода Зеньковичей. Л.С. Далецкий окончил Полоцкий кадетский корпус, Александровское военное училище, военную электротехническую школу, Военно-Юридическую академию в Санкт-Петербурге. Служил по судебному ведомству: сначала как кандидат на судебную должность при Варшавской судебной палате, затем был секретарём уголовного отделения Седлецкого окружного суда и судебным следователем того же суда. В 1913 г. он переехал на Дальний Восток, служил во Владивостоке, где занимал должность следователя Приамурского военно-окружного суда⁹. В 1923 г., после окончательного утвердившейся советской власти на Дальнем Востоке, он стал народным следователем в г. Никольск-Уссурийск, был даже принят в коллегия защитников (адвокатов) во Владивостоке. Однако после очередной «чистки» кадров от контрреволюционных элементов в 1927 г. Леонид Далецкий был лишён гражданских прав, как бывший следователь при «белом» правительстве. Жил в г. Никольск-Уссурийск с женой и двумя дочерьми – младшими сёстрами Павла Далецкого. Будучи лишён возможности работать по специальности и кормить семью, Леонид Далецкий писал бесконечные письма в разные инстанции, вплоть до Президиума ВЦИК¹⁰, о несправедливости в отношении его, уверяя в своей лояльности советской власти. По иронии судьбы ВЦИК направил его письмо на заключение ОГПУ, которое высказалось против восстановления Л.С. Далецкого в правах, несмотря на положительные характеристики с места работы. Основной причиной отказа было то, что Л.С. Далецкий во время нахождения «белых» в Приморье «помогал

⁷ Петров Н. П. Далецкий, *На краю ночи. Роман*, Лениздат, 1959, „Звезда“ 1960, № 3, с. 214.

⁸ В других источниках указываются другие места рождения Далецкого - Могилев, Ломжа и проч. Новогеоргиевск как место рождения указан, видимо, самим П.Л. Далецким в биобиблиографическом указателе «Русские советские писатели. Прозаики». Т. 1. Л., 1959. С. 626. Известно, что Далецкий принимал участие в подготовке этого указателя. Здесь же по какой-то причине указана неверная дата рождения самого писателя - 1903 год. Надо сказать, что в биографии Павла Далецкого осталось еще много таких невыясненных эпизодов. Так, Далецкий никогда не упоминал о своем польском дворянском происхождении.

⁹ Данные об отце обнаружены в фонде ВЦИК СССР в деле о лишении его избирательных прав // ГА РФ. Ф. А-5248. Оп. 4. Д. 3161. Л. 19. В анкете Л.С. Далецкий указал неверную дату рождения - 1874 г., а также национальность – русский, социальное положение – «бывший интеллигент», владение польским, французским и немецким языками.

¹⁰ Письмо Л.С. Далецкого в президиум ВЦИК от 10 февраля 1927 г. // ГА РФ. Ф. А-5248. Оп. 4. Д. 1361. Л. 16 – 18.

контрреволюционером»¹¹. 23 июня 1929 г. он был арестован, осужден по ст. 58-4 к высшей мере наказания и расстрелян во Владивостоке 17 мая 1930 г.¹².

Возможно, арест отца был главным мотивом для переезда Далецкого в Ленинград в 1929 году. В автобиографии 1929 г. он не упоминал о лишении гражданских прав Л.С. Далецкого, указав только: «Отец в последнее время работал народным следователем по г. Никольск-Уссурийску, но сейчас за древностью лет (больше 60-ти) перешел на мое иждивение»¹³. Влияние отца на Павла Далецкого было, видимо, очень сильным: В одной из автобиографий, говоря о своем увлечении дальневосточной природой, он отметил в примечании: «отец мой по профессии следователь, по страсти охотник и природовед. Он никогда не вмешивался, и странствия мои молчаливо одобрял»¹⁴. Скорее всего, Павел Далецкий не знал о трагической судьбе отца (в автобиографии, написанной в Ленинграде в ноябре 1932 г., он пишет о нем в настоящем времени), но его образ, видимо, никогда не отпускал его.

О своем детстве в Польше Далецкий редко упоминал. Однако в письме М.К. Азадовскому в 1927 г., сообщая свои биографические данные для Сибирской энциклопедии, он указал: «Я родился на Висле, в нескольких десятках вёрст от Варшавы. Отец мой в то время был офицером, но военная служба его не удовлетворяла, он скоро её бросил и перешёл работать в суд. В суде (в Никольск-Уссурийске) он работает и по сие время. Первые мои волнующие радости связаны с сосновыми лесами по Западному Бугу. Несколько лет подряд летние каникулы я проводил в этих лесах. Тогда же у меня создалась привычка думать в одиночестве, среди природы, над жизнью. Самое приятное было забраться в непролазную глушь, на какие-нибудь песчаные косогоры, и с книгой в руках думать, именно думать, а не читать, потому что каждая строчка вызывала вереницы мыслей»¹⁵.

Павел Далецкий учился в Седлецкой гимназии, пятый класс (1912 / 1913гг.) окончил в Могилёвской гимназии, готовился для поступления в Варшавскую 3-ю гимназию¹⁶. Но в 1914 г. семья переехала к отцу во Владивосток, и гимназию он окончил уже во Владивостоке. Там же появились первые стихи и публикации П. Далецкого. Начинал он как поэт, символист и футурист, подражал декадентам. Революцию 1917 г. в России воспринял восторженно-романтически, как «очищающую грозу»: «Весь я наполнился прекрасными юношескими мечтами, здесь же у меня сложились взгляды на неправды нашего социального организма, и я решил твёрдо отдать свою жизнь на служение человечеству»¹⁷. «Я не мог понять, почему люди одни угнетают других <...>. Ведь так просто сказать друг другу: я – человек, ты – человек, и разрешить все споры полюбовно, почитая один в другом высокое человечество»¹⁸. Для себя он определил путь личного единичного совершенствования как единственно возможный.

¹¹ Справка ПП ОГПУ ДВК от 21 июня 1928 г., подписанная Ф.Д. Медведем, полномочным представителем ОГПУ при СНК СССР по Дальневосточному краю // ГА РФ. Ф. А-5248. Оп. 4. Д. 1361. Л. 3.

¹² По данным общества «Мемориал»: <http://lists.memo.ru/d10/f280.htm>.

¹³ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 658. Л. 1.

¹⁴ ЦГАЛИ СПб. В. Р-93. Оп. 1. Д. 659. Л. 1.

¹⁵ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 658. Л. 3.

¹⁶ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 657. Л. 1.

¹⁷ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 658. Л. 3.

¹⁸ ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 659. Л. 1.

В 1918 г. П. Далецкий поступил в Дальневосточный университет на историческое отделение историко-филологического факультета, окончив его в 1922 г. по двум отделениям: общеэкономическому и словесному. Во время учебы в университете он работал корректором во владивостокской газете «Красное знамя», с 1921 г. начал свою педагогическую деятельность в качестве учителя литературы в школе. Видимо, его очень любили ученики, в архиве сохранилось несколько писем от них, которые полны восхищения и обожания. Он начал писать прозу, стал членом РАППа¹⁹, в 1926 г. вошёл в Сибирский Союз советских писателей. Летом 1929 г. он перебрался с тремя сыновьями к жене в Ленинград²⁰. В Ленинграде Далецкий до 1932 г. работал в Польском педагогическом техникуме заведующим учебной частью, в это же время он вступил в ЛАПП – Ленинградскую ассоциацию пролетарских писателей.

1929 год стал для него, как и для всей страны, переломным. В его личных документах мало, что сохранилось, но, как можно судить по произведениям Далецкого 1930-х гг., он старался «вытравить» из себя романтика и идеалиста и стать «чисто советским» писателем, встроиться в новый режим, идти в ногу со временем. Он участвовал в написании «Истории фабрик и заводов», вёл кружок на заводе, пытаясь соответствовать образу писателя – пропагандиста. В 1933 г. он опубликовал роман «Торфмейстер» – производственный роман о торфяниках. В 1934 г. стал членом Ленинградского отделения Союза советских писателей, пытался «эмигрировать» в дальневосточную тему, создав несколько произведений²¹. Судя по его записным книжкам, Далецкий оставался нежным, ранимым, чутким человеком. Видимо, его мучила двойственность, и ему трудно давалось совместить в одном лице дворянина, интеллигента и советского человека. Он всё время уверял себя, что в стране всё делается для всеобщего человеческого счастья, но видимо, с годами делать это было всё труднее. По существующим источникам трудно понять его внутреннюю эволюцию. Однако тот факт, что Далецкий долгое время оставался беспартийным, и в партию вступил после смерти Сталина в 1955 г., на волне веры в изменение социализма, – говорит о многом.

Командировка в Западную Белоруссию (Польшу) обнаружила внутренние противоречия писателя. С одной стороны, в Далецком было острое желание забыть прежний мир, стереть его, переродиться, но встреча с детством возродила смутные сомнения в истинности пути, как бы ни уверял себя писатель в неизбежном «ходе истории», необходимости жертв во имя светлого будущего. Писатель испытал в Польше смущение и волнение от «вопросов быта», от которого почти освободились в СССР, вдруг увидев привлекательность простых вещей, считавшихся мещанством. По его записям можно проследить, как стал исчезать страх, а жизнь наполнялась красками и звуками, запахами и подробностями. Он между прочим отмечает в своём блокноте в Белостоке: «Кондуктор автобуса выходит на остановках и приглашает заходить. Уступает пассажирам своё место».

¹⁹ РАПП – Российская ассоциация пролетарских писателей.

²⁰ Жена П.Л. Далецкого – Пядышева Ольга Павловна (1901 – 1969) была певицей, училась в Ленинградской консерватории, затем там же преподавала.

²¹ П.Л. Далецкий, *На Дальнем Востоке*, Москва 1931; *тенже*, *Концессия*, Москва–Ленинград 1932; *тенже*, *Рыцарские добродетели*, „Резец“ 1933, № 7-8; *тенже*, *Бурный хор*, [w:] *У Ламского моря*, Ленинград 1937; *тенже*, *Катастрофа*, Ленинград 1938; *тенже*, *Тахома*, Москва 1939.

Если простой жест вежливости поразил писателя, то можно предположить, до какой степени он отвык от нормальной жизни и человеческих поступков.

Записные книжки П.Л. Далецкого открывают его с другой стороны. Они показывают контраст между живым взглядом писателя и лакированным, цензурированным стилем его произведений, между бытовой советской неустроенностью и осязаемым миром вещей, который был так ценен для него. В записных книжках он проговаривается о своём желании быть вне времени и общества, и невозможности этого. Это было личной трагедией не только Далецкого, но и многих советских интеллигентов, которым непросто было жить в то время, соучаствуя в общей лжи. Оказалось, что переделать себя довольно трудно, связь с прошлым была очень сильна. Для Далецкого только война могла всё оправдать, поэтому он отправился на фронт в 1941 г. в качестве военного корреспондента, прошёл всю войну, затем кинулся в историю, стал изучать русско-японскую войну, написав о ней свой главный роман «На сопках Маньчжурии». Сейчас П.Л. Далецкий практически забыт, в словарях и энциклопедиях указаны неверные отдельные факты его биографии. Вряд ли кто-то читает сегодня его романы. Подобная судьба была характерна для многих советских писателей. Однако его записи, сохранённые в архиве, доказывают, что время не окончательно смяло Павла Далецкого, как можно было предположить. Искренность, ответственность перед семьёй, любовь к литературе, понимание поэзии жизни помогли писателю сохранить себя.

Записи, приведённые ниже, отрывочны, разрозненны, многие из них не датированы. Первую запись Далецкий сделал в Белостоке 19 октября 1939 г. Иногда почерк трудно было разобрать, буквы «прыгают», возможно, что-то писатель записывал прямо на ходу. Много отточий, прямой речи, которая передана через дефис. Что-то записано после бесед с конкретными людьми, некоторые факты явно записаны с чужих слов. Часто трудно понять, к чему относится тот или иной текст, возможно, Далецкий уже потом по некоторым фразам восстанавливал события. Сохранен стиль записей, при этом многие сокращения в тексте расшифрованы. Абзацы указывают на начало новой записи. Номера листов не указываются. Отдельные места опущены – как, например, личные записи или проработка сюжетных линий будущих произведений. Пропуски указаны квадратными скобками.

Recz pospolita polska. После входа направо – kantor wymiany, разменная контора. Автомат с widokowki po wrzuceniu monety pociagnac. Автомат – зеркальный, сине-красный. Отель Канторовича: все двери ночью открыты. Собственно, маленькие квартиры. Рядом второй отель – деревянный. Коридорчики – двери направо и налево. Картины. Еврей с бородой в шапке выходит и кланяется.

Даже белорусы – солдаты уверены в том, что если бы жив был Пилсудский, то он договорился бы и с немцами, и с советами. «Его немец боялся!». Когда пришли в Краков, его могилу не развалили, а выставили при ней почетный караул.

«Да, это хорошее дело, конечно... Да, товарищ, конечно, узнаешь... в своё время».

С точек линии Барановичи жители обстреливались прямой наводкой... Линия 80 км. Устроены точки так, что как ни пойти, войска будут под двойным обстрелом. Но как узнали, что идет Красная армия, побежали без выстрела...

Радзивила взяли со всей семьёй на утро после бала...

Пролетарская прослойка. Железнодорожный узел, бойни, консервная фабрика. Спрятали на ½ миллиона медикаментов. Немцы летали бреющим полетом и расстреливали детей, когда шли из школы, пасти стада.

Крестьяне берегут жизнь бойцов. Командир должен выехать через ночь 3 км, лес... Не хотел. У меня наган.

Сели в поезд загодя. Вагоны тёмные. Смешные узкие неуклюжие вагоны, с бугорчатыми дверьми в каждое купе... Скамеечки узкие, так что полуколена на весу, проходы узкие и совсем невозможно узкие проходки в соседние купе. Темно. Вдруг в купе вваливается непреодолимая толпа пленных. Заполнили собою всё, не вздохнуть, не повернуться. Самое страшное с ногами, которые затекли. Ругаются, не пуская друг друга в вагон. Но когда человек войдёт, его тотчас же перестают ругать и мирно и весело разговаривают. В самые большие вспышки ругани – ругани нет. Jak bogu koham – самая большая ругань. Один белорус сказал «самое большое» наталино слово, но его сейчас же оборвали. Непрерывно рассказывают друг другу о том, как хорошо, незлобно обращались с ними в плену. Польские солдаты и офицеры давно не только избили бы, но и стреляли бы. Рассказывают, как вылазили через оконца в теплушках, как только часовой «зачапится» и ничего. Умолкнут и опять о том же. И о земле советов, о маршруте, о том, как «офицеры» сами допрашивали, сами всё писали и нисколько не жалели своего времени... Все полны радостного возбуждения...

Поляки пленные и польские беженцы рассказывают о военных событиях, о гибели городов, армий, друзей, родных. Рассказы, несмотря на весь ужас, как-то эпичны. Под немца никто не хочет возвращаться, да немцы, кажется, никого за Вислу и не пускают. Даже поляков из-за Вислы выселяют в иные места. Служащий магистрата говорит – пошлот они меня рыть окопы, а англичане и французы будут бомбить... Немцы всё равно не победят. Россия в долг сырья им не будет давать, а с чем они тогда будут воевать? ... (Ждут не дождутся этой войны). Извозчик в Белостоке спрашивал меня: «Правда ли, что между русскими и немцами начинается война? Не поделили двух городов». Значит, пускают определенные слухи.

Всё городское население полно удивления – почему это красноармейцы набросились на часы. Гордятся силой своего золотого и с полным пренебрежением говорят о рубле: «В 4 раза слабже золотого, в 10 раз», – в определениях расходятся... Молодой беженец из Варшавы, когда Саянов сказал ему: «Зачем тратить деньги на бога, лучше истратить их на себя», сказал: «Вы, русские, материалисты». Семихранов думал поправить дело и сказал: «Мы уважаем театр, науку, искусство». Беженец только усмехнулся. 19 октября 1939 г.

В городе (речь о Белостоке – М.К.) улицы запружены народом. Масса беженцев из Варшавы. Женщина в дорогом платье идет в порванных туфлях без чулок, в оранжево-дублёном тулупчике, просто, босиком. Щеголеватые мужчины в грязных рубахах и дождевиках... Но все стройные, красивые и не столько растерянные, сколько возбуждённые... Еще польска не сгинела... Вот что думают

они. С рюкзаками (так!), мешками, на велосипедах...Польская речь повсюду. Невозможно близко вспомнилось детство. Казалось, кругом играют. Но никто кругом не играет.

На рынке Костюшки шум, гам. Мальчишки продают спички, рукавички, курительную бумагу, пугливые еврей ботинки, сапожные голенища (35 р.). Пестрота вывесок, обилие предметов – товаров. Это как-то удивительно веселит... 19 октября 1939 г.

Председатель временного управления – еврей Гейсин, много евреев в армии – это невероятно. Слышали об этом, но теперь увидели воочию.

«Наша власть, теперь мы сведем счеты с поляками». Для поляков это невероятно и ужасно. Они замкнулись, отшатнулись.

В Белостоке 70 суконных фабрик. Но использовали 30%. Фабрики и в городе, и в окрестностях. Фабрики старые, как база – ноль. Но мастера изумительные. Вот клад.[...]

Причёски у женщин – зачес круглый волос над лбом и сзади напуск волной к плечам. И шляпки кокетливо с высокими бортами.

Вопросы: почему нет советской власти? – Вы ещё не входите в Советский Союз.

Улицы извилистые. Вьются, пересекаются, мощёные булыжниками. После завтрака делал покупки. Гулял по городу. Парк вокруг дома воеводы. Клеёны и липы, серебряные ели. Костёл. Стройное готическое здание – широкие паперти, ещё более увеличивающие высоту собора. Широкая паперть много значит в конструкции здания. Внутри колоннада, делящая костёл на три коридора. Колоннада из кирпичей. – Ни гранита, ни мрамора, ни золота, ни серебра, никакой игры... Скромнейший из материалов кирпич, загнанный в стройные линии, вдруг показался роскошным материалом. Сзади широкие скамьи впереди за проповедничкой узенькие парточки на одного или двух. Разные исповедальни. Молятся. У левого бокового предела юноша на коленях читает книгу. Перед средним главным алтарем (в проходе) деревянные скамейки для того, чтоб встать на колени и положить молитвенно руки. Подходят, преклоняют колена. (Мимо главного алтаря нельзя пройти мимо, не преклонив молитвенно колена). Но сзади на каменных плитах на коленях стоит мужчина, воздев молитвенно сложенные ладони. [...]

Вечером, когда магазины закрыты, весь город на улицах. К тому же, сегодня пятница. Разодетые евреи и еврейки гуляют по улицам мимо своих магазинов. Вспомнилось детство. Улицы Седлеца, Владавы. 20 октября 1939 г. Белосток.

Каштаны, каштаны – вся Варшавская улица в золотых каштанах. Биржа труда в помещении бывшего союза резервистов. Низкий зал с тонкими деревянными колонками. Живая очередь. 90% беженцев на бирже, из них евреев 100%. Евреи бегут. Инженеров зарегистрировано 201, врачей 169, разных – 1500. Все белостокские текстильщики безработные уже получили работу. При Польше было безработных 6 тысяч официально, а на самом деле 20 000. Теперь направляют на разгрузку дров, на земляные работы по железной дороге. Раньше на железную дорогу принимали исключительно поляков – католиков.

Полковник Умястовский из Варшавы по радио дал приказ – всему мужскому населению от 17 до 60 лет при приближении Гитлера уходить под страхом смертной

казни. Поэтому бежали. Теперь они бродят по Белостоку и ищут путей назад. Пришла девушка, просит работы. Говорит: пришла в деревню рабочая дружина: – Сдай оружие! – Не сдам. Сдам только власти. – Мы – власть, но документов не предъявили. Перестрелка, задержали, красный лейтенант утром расстрелял без допроса... – Но ведь брат мой не знал. Ему не показали документов... Сидит и плачет. А брат, по-видимому, был в духе осадников.

Дубиньский Владимир Григорьевич – советский подданный. Седой, под бобрика. Хорошая шляпа. Хороший дождевик, хотя и с рваными петлями. Тип заграничного безработного. Так сказать, безработный, но ездит на собственном автомобиле. 10 лет безработный. Хотел и не мог выехать в Советский Союз.

– Я советский подданный... Когда наступала Красная армия на Варшаву, я был в Красной армии, а потом пришли петлюровцы и забрали меня. – Что же Вы не обратились в советское консульство? Что-то мямлит в ответ. Что в том городе, где он был, не было консульства, а выехать в Варшаву не было денег. Может быть, так, а может быть, и нет. Может быть, петлюровец, а может быть... Сложное положение, которое трудно передать. – Я – свой, я – свой. Может быть. Может быть.

Польша была наводнена немецкими шпионами. 10–15% немцев в Польше. Расстреляли пастора в Ломже и мельника Битнера. [...] Кирха – центр радиопропаганды. Заведующий электростанцией инженер Ригерт. Гитлер увел отсюда и Ригерта, и 4 тысячи немцев. Райский – генерал, начальник воздушных сил, шпион, расстрелян.

«Э. Вейдель» – шоколад, владелец фабрики, 50 домов в Варшаве, капитал в 50 млн. Он из старых немецких колонистов. Шпион.

Сейчас в Польше поддерживает Гитлера O.N.R. – Oboz Narodowy radicalny (студенческая организация поляков-католиков). Её лозунги: Долой жидо-коммуны! Смерть жидо-коммуны! [...] ONR в Варшаве выдают евреев и коммунистов. Город голодает. Ежедневно выдают 100 тысяч обедов. Евреям не дают.

Следующее разделение было в Польше: 1 группа деления: христиане и евреи. 2 группа: христиане католики и православные. Степень первенства наций: 1. Поляк. 2. Белорус. 3. Украинец. 4. Еврей.

Равет Эзраиль Абрамович – большой еврей, мешки под глазами, желтое лицо. Груб с поляками. Заместитель председателя начальника биржи труда. Допрос в дефензиве: 1. Ведут на допрос, черным платком повязывают глаза. 2. Раздевают донага. 3. Фотографируют голого со всех сторон. 4. Обыскивают платье. 5. Комнаты в 2 окна, но сумрак. На столе ящик вроде стальных часов, но наглухо закрытый. Там тикает. Может быть, фонограф. Голый человек сидит на скамье, его допрашивают. Допрашивающий развалился в кресле. Друг друга дефензивцы величают: пандиректор, керувник. Делают вид, что они не II отделение Генерального Штаба. Ругань. Когда отпускают, берут подписку, что никому, даже прокурору не будет сказано, что был в дефензиве. Не то пуля дефензивы найдет тебя всюду.

Он 10 лет жил в Варшаве, Германии, Париже. По-моему, международный аферист.

Уженик приватный – служащий частный. Dorod – паспорт.

Немцы, преследуя, настойчиво старались убивать население. По шоссе идет группа в 10 человек. Летит 3 самолета. Снижаются. Бьют из пулеметов – «каждый мужчина или солдат, или партизан». [...]

Бурачевский Иван (отчества нет, незаконнорожденный). Его мобилизовали. Солдатам объявили, что Литва идет отбирать Вильно. Эшелон шел в сторону Вильно. Бурачевский увидел на полустанке красный флаг. Офицер сказал: Это Красная армия идет нам на помощь. Закрыли вагоны. Бурачевский выскользнул, узнал: были разъезды Красной армии. В поле залегли. Офицеры говорят: идёт Литва. Но все видят – идут 20 советских танков. Бросили оружие. Офицеры убеждали и грозили. Прибыл полк жандармов. Танки дали несколько выстрелов, жандармы бросили оружие. Затем плен, который оставил в нём глубокое впечатление. [...]

Вайс Малка Коселевна, 27 лет, имеет мужа и ребенка. Муж, который на протяжении долгих лет был безработным и не имел права на труд. В беседе с гр. Вайсом – как он смотрит на то, что его жена находится в публичном доме, ответил, что как муж своей жены, ничем не может помочь и дал согласие жене на работу в публичный дом. 21 октября 1939 г. [...]

Со времени отъезда из Ленинграда прошло 6 дней, а кажется 6 лет.

На некоторых участках огромная оживлённая очередь. Голосуют. Нас всюду встречают и предлагают голосовать. – То не есть мой обовензэл – отвечаю. Удивление. Потом удовольствие.

В каждой окружной комиссии – комната-читальня-ожидальня для агентуры. В каждой комиссии – красноармеец.

Ясное небо, первое за последнее время. В ясном небе стремительно несутся самолеты. Вся улица поднимает головы.

Завтракаем в «Риц», слышу на улице крики... Выбегаем на балкон. Бьёт в глаза разноцветность парка: золотые каштаны, клены, совсем зелёная акация, прозрачно золотая липа...

По улице демонстрация. Грузовики, плакаты, сзади молодёжь на велосипедах. Та же демонстрация на площади у костёла. Вокруг толпа. С грузовика говорят, по-видимому, польские коммунисты – бывшие политзаключённые. Говорят о том, кому Польша была родиной, о том, как просили дать им оружие для защиты страны, и им не дали. – От нас скрыли, что за 2 дня до начала войны Советский Союз предлагал нам помощь. Скрыли, что у Советского Союза 20 тысяч самолетов и 50 тысяч танков... Низко, над самыми домами, над шпилем костёла проносятся самолеты. На земле взрыв аплодисментов.

А рядом (через несколько шагов) в костёле проповедует ксендз. Он в белом, на белой, пожалуй, мраморной проповедальне, под резным деревянным коричневым колпаком, увенчанным крестом. [...] Очень благозвучный голос, очень круглые, красивые движения. Полное круглое лицо у ксендза: – Берегите своих детей, католики! Мы, католики, как никогда должны объединиться.

Горят лампы на алтаре за ним. Заиграл блестящий, точно ажурный, орган на хорах. Запел хор, но скверненький, жидкий. Полон костёл. Входят мужчины, женщины, дети. Изваяние Христа на распятии справа и слева, (нрзб)...кадки со святой водой возле распятий. Подходят, целуют, макают пальцы в воду, крестятся.

Бывшие политзаключённые – человек 160–200 – в квартире бывшего фабриканта. Лечат на его широченных кроватях, на его обнажённых матрасах, большие и здоровые... На стульях, столиках, пуфах. В столовой за круглым небольшим столом – чудесный зеркальный шкаф – буфет (очень низкий и

широкий), на нем бордовые статуэтки охотников. Посуда в буфете. Рюмки и бокалы. Разные в зеркальном шкафу... Хорошее радио – где-то исполняют Кармен. Вдруг волнует песня во всей этой жизни. В кабинете в книжном шкафу книги на немецком, польском и русском языках. Горький, Достоевский. Пожилая прислуга фабриканта занимает диван в кабинете. Многие вещи она называла своими, хотела уйти и всё унести, но ей не дали. Неведомо: обуяла ли её жадность, или действует по приказу. [...]

О войне: население бросало всё и бежало. Солдаты возмущались: дали винтовку, 15 патронов. Сказали: береги патроны. Какой же я воин? [...]

Большинство голосующих, чтобы показать лояльность, тут же у стола заклеивают конверты. 22 октября 1939 г.

У проституток сейчас сезон. Поляки платили по 20 копеек. Красноармейцы платят по 2-3 рубля. Когда устраивают их на работу, получают подчас недоразумения – узнают их рабочие. Надо переводить в другие города.[...]

Иных беженцев немцы раздевают до белья, иных донага и так пускают в путь. И бежит, и бежит – вся страна.

Образование в Польше. 1 ступень – школа начальная, общеобразовательная. Бесплатная. Совместная. 7. Лет. Иногда не совместная. 2 ступень – гимназия, 4 года. Для поступления в гимназию держат экзамен. Платная. От 100 до 200 злотых в год. Гимназии в малых городках совместные, в больших – чаще всего отдельные. 3 ступень – после гимназии, если думали этим закончить образование, занимались в Лицее при гимназии – 2 года – или шли в трёхгодичный лицей с уклонами. Впрочем, купеческий лицей имел 2 года. После общеобразовательного лицея шли в университет. Процентных норм для иноверцев не было. Занятия в гимназии и лицее с 8 до 14. Директор лицея за заведование получал 100 – 150 злотых, но в некоторых техничках – до 500. Учителя в зависимости от стажа – 250–450. Если очень большой стаж (30 лет), то до 700 злотых. Директор должен был дать 6 часов в неделю. Преподаватель общеобразовательных предметов – 21, ручного труда, рисования, пения – 27 часов (в лицее – 18 и 21 соответственно).

Зелигман Юзеф Соломонович. Противо-еврейское движение особенно усилилось в 37 – 39 гг. Прежде всего борьба с еврейской торговлей. Т.н. национализация торговли. Пикетами душили еврейские лавки. Стояли в дверях, не пускали, душили налогами, передавали полякам. Ехали сюда во множестве неудавшиеся купчики из Познани (не могли совладать с немцами), и вот появлялись «христианские фирмы», «христианская колбаса», «христианские перья» и проч.

Номера гимназий в Белостоке: Зелигмана – 303, Сенкевича – 305, Пилсудского – 282. В гимназии Зелигмана училось 350 чел., из них 200 поляков. Дети железнодорожников, почтовых служащих и проч. ONR пользовался большим влиянием среди гимназистов и студентов. В университетах убивали евреев, в гимназиях избивали. [...] Учителя молодые – недавние студенты, пропитаны фашизмом. Зелигмана вызывал в Брест попечитель учебного округа.

- У Вас слишком много христианских детей.

- Что мне делать, если они ко мне идут?

- Но нельзя допустить, чтобы еврейские педагоги воспитывали христианских детей. [...]

Зелигмановцы не любили носить свой номер. Над ними измывались, особенно гимназисты арийской гимназии Сенкевича. Выходили из гимназии и снимали номера.

Сейчас вводят русский язык. Ученики старших классов относятся к урокам русского языка иронически.... Зелигман 21 год директор своей гимназии. Говорит, что в прошлом был русским журналистом. Родной язык русский. Возможно: по-польски говорит с акцентом. У него большая квартира. В кабинете неуютно, неприютно. Небольшой нечистоплотный письменный стол. У одной стены чёрные простые не сортные книжные шкафы. Диванчик у другой стены... Говорят, что он выпустил профашистскую книгу в своё время....

Кондуктор автобуса выходит на остановках и приглашает заходить. Уступает пассажирам своё место. 23 октября 1939 г.

В книжный магазин пришли командиры, нашли «Эликсир жизни», схватили. О, Крыжановская. Стали искать. Интересная писательница...

Гимназия Зелигмана на ул. Сенкевича. Через двор против старого костёла. Раньше здесь была гостиница. 2 и 3 этажи. Против входа гипсовая статуя Афины Паллады... К ней, конечно, пририсованы усы. Направо канцелярия, за ней кабинет директора, дальше хозяйственная комната, где хранятся карты. Маленькие «комнатные» классы. Польское правительство прислало в гимназию для обучения 6 винтовок. Они хранились в библиотеке. Приказано было оббить железом это помещение, на окнах – решетки. Чтобы не украли? Библиотека совсем маленькая. Приятней всего, теплее всего, оборудован кабинет природоведения. [...] Плата в частной гимназии прогрессивная. В первом классе – 300 руб. в год, а в последнем доходила до тысячи. Но делали скидку и в среднем платили только 50% нужной суммы. Освобождали до 10% ... Дотаций не было. [...] Шли в частные гимназии потому, что в казённых не было места. В казённые принимали детей крупных чиновников, военных, орденосцев, боровшихся на войне за Польшу. [...]

Немцы в Белостоке... Голод. Бесплатно с грузовиков раздавали хлеб. Разрежут пополам и бросают. Толпа ловит. Ещё до занятия города бросали с самолётов пакеты. Там свежий хлеб, копчёная рыба, мармелад. Никто не ел, боялись отравления. Находили зажигалки, зажигалки взрывались. [...] Ручки еврейских квартир мазали ипритом. В меховой магазин пришел немецкий офицер. Купил на 2 тысячи, уплатил. Утром пришел другой, сказал: «Мы нашли, что вы взяли слишком дорого, нельзя так повышать цены, отдайте деньги назад». Пришлось вернуть.

Который час? И снимают с руки часы.

За хлебом стоит очередь. В очереди стоит еврей. Поляк подходит к немцу и говорит: Вот стоит еврей. Немец извлекает еврея из очереди, ставит на его место поляка: «Еврею не надо кушать. Пошел вон».

Немцы заходили в квартиры, выносили, что понравилось. Приятное счастье завоевателей.

А сегодня целый день идет дождь. И я в своём ленинградском пальто промок насквозь. И шляпа моя течет. И как всё скверно у нас делают для человека. Просто стыдно показывать советское... Да, у нас всё дрянь, всего нет, но зато армия... Но ведь заменить все радости одна эта радость не может. Зашли к Виссарионову, портному. В спальню две огромных кровати, собственно одна... На такой спали

в 17 веке. Роскошно. И столовая у него. И свободно вообще... Обычно на все эти вещи плюёшь, а иногда делается скучно. 24 октября 1939 г.

Портной Дембович (ул. Сенкевича, 58, угол Старо-Боярской) – взят был за то, что подал пленному спичку... Сидел в теперешнем городском управлении. По приказу немцев одни евреи застреливали других, а Дембович закапывал убитых. Там же евреев заставляли плясать и кричать: я – жид, я – жид.

Всегда равнодушный к костюму, я вдруг заметил в себе некую одержимость. Хочется иметь и непременно из хорошего материала. Я как женщина начинаю осматривать прохожих, и глаз очень быстро намётывается. Вдруг начал понимать вкус в хорошо одетом человеке.... Какая, в сущности, чепуха.

На толкучке действительно толкучка: беженцы, местные, русские. Продают отрезы, пальто, брюки, кожу на сапоги, подмётки, спички, нитки, папиросы. Беженки и беженцы снимают с рук часы. – Если б мы знали, мы привезли бы из Варшавы целые карманы...

Возы с яблоками.

– А русские совсем нищие и голые... Они набрасываются на все, как дикари. [...]

[О приходе Красной армии] – никто в это не верил. Однако сами немцы стали об этом говорить. В «Рице» сидят русские и немцы и совещаются!

Заказал шапку. У шапочницы 2 маленьких комнатки. Просторно, никакого хламу, хорошие вещи. «До последних лет жили совсем хорошо». Вот тебе простой ремесленник, шапочник, каких здесь – маленький город – сотни. Какая у него могла быть клиентура?! И все же жили хорошо. А у нас живут тесно, трудно, нище и злобно.

Польки, по словам еврейки-шапочницы, говорят: – Ну, красные, они скоро уйдут. Что вы думаете? 25 октября 1939 г.

В вагонах [поезда] бесконечное количество эмалированных дощечек с объявлениями [...]. Проводников нет. Спальных вагонов нет.... Из вагона в вагон прохода нет, каждый вагон изолирован [...] В наш поезд входишь, как в дом, здесь можно жить, а это, в сущности, трамвай, только конструктивно в тысячу раз безобразней.... Ординарные рамы, без тамбуров. Газовое освещение. Но что хорошо – это ремни для выдвигания окон. 26 октября 1939 г.

Собрались ... в Гродно и сели на поезд, который идёт в противоположную сторону к границе на Зарембо.

Поезд битком набит. Рюкзаки, чемоданы, котомки, мешки.... Едут в ту Польшу. Разговаривают: немцы нам ничего не сделают.

В Щепетове проверка документов – все из вагона. Пограничники проверяют документы. Граница закрыта с 20 октября, но поляки, которые чувствуют себя всё-таки в своей стране – как это им нельзя вернуться к своему дому, семье, женщины плачут... Они не хотят знать завоевателей, они у себя... Идёт дождь. Беженцы подходят к железнодорожникам, говорят вполголоса, шепчутся. – Можно пройти – говорят железнодорожники (все поляки) и проходят... Воз длинный предлинный – белая тощая лошаденка, еврей хозяин... Часть пассажиров уезжает на этом возу...

Пассажиры все на перроне, вагоны заперты, но часть без проверки умудряется поникаать через разбитые стекла и двери. Железнодорожники потайно открывают полякам, но гонят отовсюду жидов. А многие почтенные пейсачи

рвутся к Гитлеру. Они везут с собой своё имущество – мешки с подошвенной кожей, ещё чем-то.... Может быть, они не верят в издевательства, а может быть, они им не страшны, а может быть, потеря возможная имущества страшнее всего.

Вот документы у одного проверяют, он проходит в вагон, из окна передаёт свои документы другому...

Деревня Заремба – лагерь беженцев, идущих туда и перебегающих к нам... Вчера 3 тысячи сидело под открытым небом, под дождём... Беженцы «туда» не смотрят на нас, отворачиваются от красноармейцев. Беженцы «к нам» поют наши песни, рукоплещут...

Иногда евреев немцы раздевают, поднимают на метр шлагбаум и говорят: Если хочешь туда, перепрыгни. И какой-то еврей прыгнул...

Гродно весёлый и живописный город. Для меня необычно обилие зелени. [...] Приятные, неширокие улицы. Как и в Белостоке, обилие ремесленников, которые быстро и хорошо могут сделать то, что тебе нужно. К сожалению, внутреннее и государственное развитие человечества таково, что эта система жизни сейчас невозможна.

По сравнению с Белостоком здесь обилие еды. Наши красноармейцы и командиры увлекаются проститутками. Парочками сидят в ресторанах и кафе. Местные парни, их знающие, перемигиваются и смеются. [...] 26 октября 1939 г. Гродно.

В Гродно пока много еды. На базаре гуси, индюки, зелень. [...] Изобилие и дешевизна. И немного стыдно за русских, потому что у всех местных впечатление, что Россия нищая страна. Из магазинов открыты шляпные, пуговичные и зелёные – все остальные закрыты. Товары частью припрятаны, частью распроданы. Потому что бросились!

Люди, несомненно, в Польше в большинстве жили хорошо. Какая-то часть жила плохо. И вот оказывается, ход общественного развития таков, что такая хорошая жизнь продолжаться больше не может. Человечество приходит к тупику... Появляются вожди, они берут себе всё богатство народа, и взяв всё его богатство, ведут его...(текст обрывается – М.К.).

Пленные из немецкого плена пробираются в Вильно... Некоторые по полмесяца не мылись, руки чёрные, рожи тоже. Почти всё молодежь. Шинели сидят на них мешками. Ремней на большинстве нет... Набились в купе. В плену немцы обращались с ними хорошо. Они веселы, оживлены. [...] «Первым делом, как приеду в Вильно, пойду в костёл, а потом хорошенько вымоюсь». [...]

И так бежит Польша во все стороны своей земли, тычется в закрытые границы, и не в силах поверить, что это действительно границы. [...]

Как можно выпукло дать тип коммуниста – пройдохи и эгоиста (о заграничных чемоданах у коммунистов, набитых барахлом): Ведь не в этом новый человек? Или новый человек это химера? [...]

Улица Э. Ожешко. Здесь ранее гуляли проститутки, с остальных улиц их гнали. Парк по правую сторону улицы[...]

Монастыри. Их много. Высокие стены. И простые лаконичные линии костёлов. Особенно великолепны по своей простоте и лаконичности линии fara witoldowa. Как сюжет в повести – когда он прост и лаконичен. Бернардинский костёл весь в живописи. Она во всех простенках... Фрески. И тут же скульпту-

ра. Отдельные алтари, справа и слева при входе. [...] Женщина стоит на коленях и громко молится. Золотой крест прямо светится над алтарем. Величаво. К костёлу ведет старая каштановая аллея. Сам он на холме. И с холма виден Неман, железнодорожный и обычный мост, предместье.

Гимназисты носят форму: синие, суконные пальто, суконные шапочки... На шапочках кокарды. На рукавах номерные погончики. 27 октября 1939 г.

Красноармейцы поют в вагоне. По двое, по трое, по четверо. Но больше всего поёт один тенорок... И все поют какие-то невероятно душещипательные романсы о том, как она любила, не могла перенести его измены, нож в него вонзила и предстала перед судом... Весь зал плакал, когда она говорила... Судья взял лист, но обвиняемая схватилась за грудь, упала и умерла. Так и остался лист недочитанным в руке судьи... И пели песню о Марусе. Молодой боец уходит и говорит: Я Родину сберегу. А ты сбереги любовь, Маруся... И все подхватили эту песню и спели ее дважды. И от этого на меня повеяло каким-то свежим воздухом. [...]

В походе красноармейцы под кустом поймали зайца за ноги. К колодцу вышла старушка. Красноармеец: – На, бабушка, возьми. – Что вы, что вы... ешьте сами. Насилу уговорили. – А у нас нельзя было зайцев бить, не разрешали, только паны могли...

Женщина подседа к бойцу, черномазому, спокойному, просит: Может быть, Вы мне продадите сахару. У меня больной ребёнок. И сама плачет. –Зачем же продавать... У нас много всего, бери так... Мы не купцы... Вынимает из кармана несколько больших кусков и отдаёт.

На обратном пути молодой казачок, которого послали в Минск на сапожные курсы, долго слушал, как сидевшие рядом с ним польские железнодорожники срамили советскую жизнь за дороговизну, долго страдал от этого и, наконец, на вопрос – Почём у вас масло? – выпалил: Три рубля! – Три? Что, товарищ, говоришь? – Да, три рубля... Потом добавил тихо: У нас на Дону три рубля... – Может быть, у товарища на Дону... – сомнительно сказали железнодорожники и снова перешли в наступление: – Вот, товарищ, говорит, что литр молока у нас 50 копеек, а это дорого. Да, дорого. Но ведь раньше он стоил 15 копеек. А ботинки самые лучшие стоили 10 рублей. А шуба вот эта (весьма изрядная шуба) – 30 руб. А у вас такую за 500 не купишь (у нас такая не менее 2-х тысяч). Приехали сюда некоторые ваши железнодорожники, ни черта на них нет, никак не одеты. – Спецодежда, – угрюмо сказал казачок.

Средний заработок в Польше был 200 злотых, средние ботинки стоили 6–7 злотых. Следовательно, обыватель мог купить 28–29 пар обуви. Средний заработок у нас – тысяча. Средние ботинки стоят 200 руб. Следовательно, наш гражданин может купить 5 пар ботинок. Такова реальная зарплата, о которой так часто любит говорить Молотов. 29 октября 1939 г.

Ломжа расположена на холме. Справа – военный городок. Красные кирпичные русские казармы «остроленовского» типа. По дороге в город много домов «нашего, советского» стиля, коробочками. Только они гораздо добротнее, аккуратнее и приятнее. [...] Вокзал цел. И только приближаясь к собственно городу, вдруг видишь пустые без стёкол рамы и изрешечённые осколками стены... И так странно вдруг на угловом доме висит железная крыша – и под ней

нет целой трети дома. Навален строительный мусор. Уничтожен, в сущности, весь город, сохранились незначительные случайные островки. Когда выходишь на улицу – как будто всё в порядке, потому что в большинстве фасады стоят, и когда равняешься с ними – видишь, что нет ни крыш, ни внутренностей... Я бродил из улицы в улицу – какое-то фантастическое состояние. Точно я брожу среди стен когда-то уничтоженной и теперь раскопанной Помпеи... Следы пожара... Но ясно, что никакой пожар не мог уничтожить многоэтажного кирпичного города, его могла уничтожить только стихия, равная землетрясению[...] Евреи роются в мусоре... Может быть, – думают – сохранились какие-либо вещи... Один безумец поднял покорёженный мотоцикл, укрепил его среди мусора и что-то подыскивает к нему. В обгорелых трубах под крышами сквозь окна носят и поют птицы. [...]. Бомбили зажигательными бомбами, клали тесно бомбу за бомбой в мирный, несопротивляющийся город...Разрушен костёл. Осталась на фронтоне надпись «Богу всемогущему»... Остался деревянный крест во дворе с миниатюрным Христом. Божья мать стоит в разрушенном гроте и около неё ещё цветут лиловые осенние цветы. А вот совсем покосилась стена. Но под ней спокойно ходят. А перед ней высоко на дереве, очевидно, сорванная потоком воздуха, висит белая занавеска. И чудесные полевые просторы вокруг. [...] В просвет одной из улиц на полях увидел ветряную мельницу. Она не работала. Ничего в этом не было особенного. Не всегда ветряная мельница должна работать. Но сейчас эта неподвижная мельница попала в тон с руинами – и опять показалось, что ничего этого нет – просто кем-то выдуманна и нарисована картина. 29 октября 1929 г.

Немцы из Остроленки вывезли всё, даже постели, даже верхнее платье. Заходили в дома искать оружие, расстилали скатерть и укладывали всё. Женщина, видя, что остаются голые стены, побежала к коменданту. – А, – сказал комендант, – не может этого быть, я расследую... Женщина потопталась и побежала назад. Грузовики с имуществом остроленских жителей уезжали в Пруссию... Женщина с отчаяньем бегала вокруг грузовиков. Она была одета в жёлтый дублённый расшитый полушубочек до талии... Немец посмотрел на неё и снял полушубочек с её плеч... Она молчала. Только грудь прикрывла руками, чтобы не пронизывал холод. [...]

Но русских не трогали. Стоило сказать: здесь русские, – как немцы брали под козырёк и уходили. То же самое и в Варшаве. Одной женщине пришлось в голову сказать: я советская подданная...Её не обыскивали, документов не спрашивали, а сразу пропустили через границу. [...]

В плену разнёсся слух, что злотый потерял цену и больше его не будет. И один пленный за папиросную затяжку отдал 100 злотых. 30 октября 1939 г.

Белосток сегодня праздновал присоединение к Советскому Союзу. По улице гулял пронзительно-холодный ветер, мёл листья, пыль. Шли демонстранты с красными флагами и плакатами к зданию театра, к магистрату. Шли неуклюже в узких улицах на тихом ходу танки... Неумело руководили уличным движением бойцы в касках, с винтовкой за плечами, с большими флагами в руках. Извозчики и крестьяне недоумённо метались. Продавали газеты на русском, белорусском, польском и еврейском языках. А я себя чувствовал одиноко, потому что не был допущен к празднику. (Уверенный, что пропуска мне нет, я не ходил за оным). Пообедал в еврейской столовой рыбой и холодной печёнкой с жареным луком (вкусно!) и отправился на вокзал.

Поезд как все поезда переполнен. В вагоне исключительно евреи. [...]

В Бресте много снега. Взял извозчика. Все гостиницы, говорит, заняты военными, привёз в меблированные комнаты, взял за 20 шагов езды 5 рублей. В столовой меблированных комнат за круглым столом полно людей. Поляки и евреи. Судя по всему те, кто собирается перебираться назад, к немцам. Здесь по-русски не стоит говорить. Я говорю по-польски, и хозяйка соглашается поставить мне постель в комнату, где спят уже двое. Выхожу поужинать и вместе с тем поискать другого ночлега. [...]

Устроился в гостинице «Аврора» – комната на паях со смоленским писателем. [...]

За неимением свободных мест проститутки принимают мужчин под костёлом. Так и зовут: пойдём под костёл. Для религиозных женщин, а здесь все женщины религиозны, это, наверное, напоминает Грецию. [...]

Смотрел «Трактористы». Вообще за последнее время просмотрел несколько наших картин и хроник. Здесь всё смотрится иначе, с живым трепетом, с гордостью... 30 октября 1939. Брест на Буге.

Бюджет на народное образование в Польше был мал. Учителей было мало. На учителя приходилось 125 – 150 детей. Кроме правительственных школ в деревнях были школы «Общества родины» – национально-фашистского характера. Сейчас идет упразднение преподавания Закона Божьего. Некоторые директора прямо исполняют директиву «Если население будет протестовать, то Закон Божий оставим». Они предлагают родителям писать заявления, и эти заявления приносят в отдел народного образования.

Борисов, председатель, объясняет им, что они наивны и простодушны, и что их обязанность – растолковать родителям, что школа есть дело государственное, а религия – дело частное. [...]

Сплошь и рядом приходят священники и просят в учителя. Два заявили себя неверующими, готовыми выступить публично и печатно с разоблачениями. – Когда сделаете, тогда я предоставлю вам место, – сказал Борисов. Третий сказал: Я не верую, но признаю, что есть высшее существо. – Тогда нам не по пути, – сказал Борисов. – У нас учитель должен быть воинствующим материалистом.

Вместе с тем священники захватывают костёлы, освящают их и служат. Особенно те костёлы, которые в свое время были захвачены ксендзами... 1 ноября 1939 г.

Рассказ учителя Багруковича Всеволода Григорьевича, православного, (Брест-Литовск): Всякий отдававший детей в русскую школу вредный и опасный человек. Отец служил статистиком на бойне. Ему дважды советовали взять детей из русской школы: Раз вы живёте на польской земле, едите польский хлеб, то как вам позволяет совесть учить детей в русской школе... Самого Багруковича назначили преподавателем в местечко Мотоль (Драгиченского уезда) в польскую правительственную школу-семилетку. Оклад – 250 злотых. [...] Багруковичу – православному, православным детям приходилось читать католические молитвы и на него это действовало чрезвычайно. [...] Учителя обязаны были убеждать русских детей в том, что они поляки. Сначала, придя в школу, дети не умели говорить по-польски, и потом через несколько лет так привыкали к польской речи, что и дома родителям отвечали по-польски. [...] В школах были хоровые и

театральные кружки. Хоровые кружки имели большое распространение и несли через молодежь в население польскую песню. [...]

Часть молодежи не хотела поддаваться ополячиванию, но чаще теряла веру в возможность каких-либо перемен и решала как-нибудь приспособиться, чтобы жить.

Два проводника польского влияния в деревне – учитель и ксендз. [...]

Почти все боялись называть себя русскими и называли себя: я – тутэйшен. [...]

Всеобщий интерес к России. Самая нищая деревня приобретала радио. Слушали группами, по очереди. Были в курсе всего. Разучивали русские советские песни, слушали музыку. [...]

Учителей русских школ игнорировали, их точно не существовало. Их не принимали на курсы самоусовершенствования, не принимали в профсоюз. Вы – русские. Вы – болото. Здесь Европа, а на востоке – болото. 2 ноября 1939 г. [...]

Здесь в Польше белорусы всё время считали себя русскими. Теперь им вбивают в голову, что они не русские, а белорусы, и школы открывают на белорусском языке. В деревне жалуются: что ж учить в школе белорусский язык? Ему и дома научиться можно. А вы научите детей хорошему русскому языку. [...] Никакого национализма нет здесь и в помине. 2 ноября 1939 г.

Немцы передавали наш Брест торжественно. Выстроили караул при своём флаге. Потом его спустили. Потом мы подняли свой. 2 ноября 1939 г.

Тоненькая хорошенькая полечка по дороге из Бреста в Белосток говорила, как чудесно, дёшево, удобно было всем в Польше: Ах, как было в Познани! А Гдыня? Гдыне дивился весь мир... Я сама шофёрка, ваши автомобили очень плохо выглядят и не очень хорошие... Я ещё не видела ни одной хорошенькой русской женщины. Не знаю. Может быть, специально те, что ходят в шинелях, уроды. ... А это совсем не в чести ваших мужчин, что они пускают женщину на паровоз машинистом. Это совсем не подходящая для неё работа... Нет, мне никогда не понравится у вас, потому что у вас эти разводы... Ну как это вдруг с вами случилось – были такими врагами немцев, и теперь друзья? ...А ваше кино скучное, как фляки с елеем. 2 ноября 1939 г.

Молодой славный казачок покупает с рук на улице цветистые вязаные детские платяца. С него заламывают. – Эх... мы вас из подвала вытаскивали – вы тогда кричали: Товарищи, товарищи... Спасибо, спасли... А теперь... Собралась толпа. Спекулянт доказывает, что ему нечем жить, что картошка стоит столько, что у него рука болит, и он не может работать, и показывает на струп на руке. – Я тебя из подвала вытаскивал, ах ты... 3 ноября 1939 г.

[...] Небо по-прежнему пасмурное. Однажды было только ясное – в день выборов, да ещё ... в день народного собрания, по закону большевистского бога. Портной обещал кончить шитьё к 2 часам 3-го, и я решил выехать 3-го. Поехал на вокзал с Селифановым за 2 часа. Взял билет, и, конечно, напрасно, потому что никто билетов так и не спросил. Мягкий вагон хотя и маленький, но удобный и не производит впечатления кургузого безобразия как вагоны «3».

Меня, как обычно, сначала принимают за местного. Ввалилась группа. Пёстро и плохо одетая, кроме одного, – с деревянно-туповатыми лицами. С шутками, прибаутками. [...]. Едем до Негорелого. Думаю: делегаты на праздник

или чорт знает кто... Как-то уж больно разухабисты. Но мало-помалу соображаю: демобилизованные из Минской области. [...] Сплю на второй полке до самых Барановичей. Теперь они пусты: ни пленных, ни беженцев. Ночую в вагоне же. Холодно. Лежу, натянув до носа свою курточку[...].

Барановичи. Здесь, на товарной станции, в вокзальной мазанке и вокруг кипит демобилизованный люд. Холодно, ветрено, мёрзнем. Места в мазанке нет. Наконец в 3 часа подкатывает паровозище с нашими грузными вагонами. Проводница медленно занимается уборкой. Бешеная посадка. Размаривающая жара и духота вагона.

Родина. По вагонам пойдёт кассир, у которого можно приобрести от ст. Негорелое любой билет. Кассир до нас не дошёл. А когда после осмотра документов разрешили в Негорелом идти в кассы – поезд уже тронулся. Оказывается, в Минске пробка и достать билет трудненько – денька через три. Кроме того, ввиду перестройки вокзала, поезда останавливаются на товарной... Ругаю себя за легкомыслие. Поезд остановился... Никаких признаков даже товарного вокзала. Народ бежит. До отхода поезда на Москву 10 минут. А до станции ещё бежать. Тоже хитрость – остановились в поле. Ждать в Минске – день, два, три. Невозможно. Демобилизованные (без билетов, а может быть, и с билетами) осаждают общие вагоны. Там война. Мне с моими грузными вещами не пробраться. Да и к кассе с вещами не добежать, да и неизвестно, где она, да и вообще поезд сейчас отходит. – Я выбираю получше плацкартный вагон. – Ваш билет? – Есть... Пропустите... Взбираюсь. – Ваш билет? Какой номер? – 18. – Ты пойдёшь за ним, проверь... – Я и то иду... – Дальше, дальше, гражданин 18 место... Опять иду. – Вот 18. Ставлю вещи. – Билета у меня нет. – Как нет? – Так вот и нет. Кто в этом виноват? Только не пассажир. И прочее, и прочее.

Показываю документы. Несет их к старшему. – Придется сходить..., а то 32 руб. штрафу... Чорт с ними, с 32 рублями. Пассажиры поддержали меня. Поезд тронулся. Место нашлось. Проводник взялся добыть в Борисове билет до Ленинграда. Не представляя точно, сколько стоит билет – дал ему 90 руб. Пришёл. Все в порядке. Что делается у кассы!!! Рассчитываться медлил. И я понял, что он хочет дотянуть до последнего момента, когда возьмёшь билет и побежишь... В общем, билет стоил ему 30 руб. Остальные он положил себе в карман. Мне стало так неприятно и стыдно за него, что ничего я не сказал и заторопился вон. Поезд из Орши через 3 часа. Плацкарту поручил носильщику, сам гуляю по вокзалу. Просят в НКВД. Подозрительный у меня вид – хожу, смотрю и одет по-диверсантски. В НКВД немного смущены своей ошибкой, просят извинения, но утешают себя тем, что лучше ошибиться, чем пропустить. Устраиваюсь в поезде уютно и приятно. Наконец можно уснуть. Но в вагоне не спят, и до 6 утра рассказываю о Западной Белоруссии. И всё время беспокоюсь, хотя чего беспокоиться? Отсутствовал всего 21 день. Люди не имеют известий от родных годами. Едем томительно долго. Опаздываем на 3, 5 – 4 часа... Встретит Оля? На вокзале море встречающих. Нельзя выйти из вагона. 5 ноября. [На вокзале в Ленинграде]. Такси нет, извозчиков нет. Трамваи почти не идут, на них висят. Погрузился на 17 номер, чтобы у Финляндского вокзала пересестись на 6-ку. Но не мог дожидаться. Уже час после приезда. Сыро как-то особенно, по-ленинградски. И пустынно, пустынно. И одиноко.

BIBLIOGRAFIA

Гессен Э., *Белосток – Москва: мемуары*, Москва 2014.

Далецкий П.Л. [некролог], «Литературная газета» 1963, 9 июля, № 82.

Здобнов Н.В., *Материалы для сибирского словаря писателей*, Москва 1927.

Кирилова Е.О., *Дальневосточная гавань русского футуризма*, кс.1, Владивосток 2011.

Малиновский В., *Павел Далецкий – наш*, „Утро России” (Владивосток), 2010, 29 мая.

Павел Далецкий, [w:] *Антология поэзии Дальнего Востока*, Хабаровск 1967.

Писатели Ленинграда: Библиографический справочник, Ленинград 1982.

Русские советские писатели. Прозаики. Библиографический указатель, т. 1, Ленинград 1959.

